

УДК 165.3 : 1(091)

Проблема рационального в творческом наследии П.А. Флоренского

А.А. Малышко, Е.П. Борзова, О.Д. Мачкарин, В.А. Кравцов
Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье предложен анализ проблемы научной рациональности в философском наследии П.А. Флоренского, выявлены ее основные аспекты, продемонстрирована позиция философа в дискуссиях о роли субъекта в познавательном процессе. Раскрыта роль Флоренского в изменении модели научной рациональности и переходе к новой науке – современной, с присущей ей гуманистической составляющей, позволившей расширить пределы познания бытия и открыть новые мировоззренческие парадигмы.

Abstract. This paper examines the problem of scientific rationality in the philosophical heritage of P.A. Florensky; its basic aspects have been revealed, the thinker's position in discussions about role of subject in cognitive process has been shown. The role of Florensky in changing the model of scientific rationality has been analyzed; his philosophy expands limits of cognition and opens new philosophical paradigms.

Ключевые слова: рациональность, разум, познание, закономерности бытия, аритмология, монадология, квантово-механические законы, теория множеств, теория относительности, пневмосфера, пространство, наука, философия

Key words: rationality, mind, cognition, patterns of being, arrhythmology, monadology, quantum-mechanical laws, set theory, theory of relativity, pneumatosphere, space, science, philosophy

1. Введение

Эпоха конца XIX – начала XX века характеризуется глубокими мировоззренческими потрясениями. Глобальные научные открытия обусловили трансформацию самой науки: снимается противостояние объекта и субъекта в познании, тем самым субъект, обладающий определенной системой ценностных установок, втягивается в познавательный процесс, придавая ему гуманистические очертания. Акценты с объекта переносятся на самого познающего субъекта, и его целью становится, выражаясь словами Флоренского, – "прислушаться" к бытию, чтобы понять себя, свое собственное предназначение. Именно эту гуманитарную составляющую в познании глубоко прочувствовал П.А. Флоренский, предвидя глубокие изменения в науке XX в., но не ее конец, что особенно было важно в период кризиса, проявившегося в философии. Это понимание "новой" науки Флоренским и собственно "новый", гуманитарный тип рациональности и стали предметом изучения авторов статьи.

П.А. Флоренский осознавал всю ограниченность современной ему науки, критиковал достаточно жесткое разделение наук на естественные и гуманитарные. Философ пытался представить будущее науки, ее новый облик, сочетающий в себе традиции научного исследования и религиозное мировоззрение.

Необходимо отметить, что антропологический аспект в познании получил развитие в идеях русских мыслителей (Г. Сковорода, Вл. Соловьев, Н.Ф. Федоров, К.Н. Леонтьев и др.) и даже приобрел разную интерпретацию: от акцента на личностной проблеме в познании до постановки во главу угла общечеловеческих целей и задач. В творчестве же Флоренского данный аспект проявляется в качестве антропного принципа, который впервые переносит ученый из физики в философию, пытаясь совместить в антропоцентрически ориентированном познании, в духе русской философии, метафизику, положительную науку, искусство и религию. Основой теории познания Флоренского становится осознание человеком реальности как своей судьбы и роли во Вселенной.

2. Использование аспекта рационального в творчестве П.А. Флоренского

В творчестве П.А. Флоренского выбор объектов исследования в тот или иной период был обусловлен внутренней потребностью, а не логической последовательностью. Сам философ признавался: "Мысль моя не протекала систематически, а всегда волновала и поражала меня" (Флоренский, 2004). Но на протяжении всей своей жизни Флоренский писал об одном – о возможности познания действительности, каждый раз используя новые горизонты для познающей мысли в выстраивании своей системы закономерностей бытия. Пользуясь то языком математических символов, то языком философии, то языком искусствознания, то богословским языком, он прослеживал всеобщую закономерность явлений бытия, их функциональную взаимосвязь. Сложность и многоплановость проблемы познания бытия решается П.А. Флоренским в русле онтологии. В своей философии мыслитель стремится

объединить гносеологию и онтологию с этическими, эстетическими и аксиологическими вопросами бытия и познания, что способствует "гуманистическому" повороту в рациональном познании.

В поисках цельного мировоззрения П.А. Флоренский опирается на математические идеи своего учителя, представителя Московской философско-математической школы Н.В. Бугаева, учение об аритмологии и монадологии которого и подтолкнуло исследователя к представлению о прерывности устойчивой системы связей и отношений в бытии, что выступало альтернативой дарвинистской идеи линейности эволюционного развития.

Согласно Н.В. Бугаеву, оптимистическая, противостоящая Хаосу программа космической эволюции заложена в идеальных космических сущностях – монадах, из которых состоит мир: "Конечная цель деятельности монады – снять различие между монадой и миром, как совокупностью всех монад – достигнуть бесконечного совершенства и стать над миром" (Бугаев, 1893). Доводом, вполне справедливым, для ученого стало утверждение, что аналитическое (непрерывное) мирозерцание Нового времени отвергает объективность случайного; признание данного факта противоречит классической науке, опирающейся на механистическую картину мира, описываемую законами классической механики. Аритмология же, согласно Н. Бугаеву и его последователю П. Флоренскому, позволила органично вписать в себя все случайное и необычное. Флоренский признает, что аритмология – подвиг творческой мысли, ищущей и находящей новое, доселе небывалое: "...подвиг же – в том, ...чтобы преодолеть самодовольство рассудка, порвать магический круг его конечных понятий и вступить в новую среду – в среду сверхконечного, рассудку недоступного..." (Флоренский, 2006). Это понимание было созвучно с позицией сторонников неклассической науки, с теми, кто отвергал идею, что наука должна давать совершенно достоверное универсальное знание. Флоренский обращает внимание на познающий субъект, на его внутренние установки, на зависимость от него выбора средств познания. Философ стремится ответить на вопрос: "Каким образом представляется возможным получение внерационального знания?"

Очевидно, что логические категории в познании бытия, а также ценностные категории, т.е. гуманитарная и понятийная разновидности рационального познания в творчестве Флоренского являются взаимодополнительными способами познавательной деятельности человека, которые невозможно разделить. Их органичное взаимодействие обеспечивает познающему целостное видение самого себя и мира.

П.А. Флоренский развивает аритмологию Н.В. Бугаева, дополняя ее понятийным аппаратом теории множеств Г. Кантора, немецкого математика XIX века, называющего множеством "всякую совокупность определенных элементов, которая может быть связана в одно целое с помощью некоторого закона" (Кантор, 1895). П.А. Флоренский полагает, что в теории множеств заложены огромные возможности видеть космозированное (упорядоченное) пространство там, где до ее создания видели только хаотичное, т.к. она, по мнению философа, является эффективным средством для оформления хаотического пространства, представленного в бесконечности. Теория множеств также позволила Флоренскому уверенно говорить о соединении "единосущия" и "разноипостасности" в Пресвятой Троице (это соединение А.Ф. Лосев позднее развил в своем учении об имени), вдохнула новую жизнь в учение о монадах.

Творцом монадологии был немецкий философ и математик Г. Лейбниц. Монадология Лейбница служила оправданием введения в математике понятия бесконечно малой величины и оказалась толчком к созданию им интегрального и дифференциального исчисления. Мир "умопостигаемый" состоит, по Лейбницу, из первоэлементов – монад, находящихся между собой в отношении предустановленной гармонии. Это самозамкнутые субстанции: "...монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти" (Лейбниц, 1982). Саморазвитие монад происходит непрерывно, заполняя промежутки между двумя состояниями. В связи с этим иерархия монад организована по принципу непрерывности. В отличие от симметричных логических категорий – монад Лейбница, монады Флоренского являются ассиметричными, поскольку они ценностно нагружены, воплощая идеальную духовную высоту и антидуховную "тварность". Монада у русского философа преодолевает эгоистическое самотождество "Я", может выйти из себя через отдающую любовь: "...из голого и пустого самотождества – "Я" – монада становится полным содержания актом, синтетически связывающим "Я" с "Я", т.е. органом единого Существа" (Флоренский, 2006). В каждой монаде потенциально представлен весь мир, развитие и состояние каждой из монад согласовано с развитием и состоянием других и мира в целом.

Развивая учение о монадах, имеющих онтологический "гуманитарный" характер, т.е. определяющих способ существования не только математических объектов, П.А. Флоренский хотел подчеркнуть, что мир является живым в своей любой сколь угодно малой части, реагируя таким образом на безличный механицизм и рационализм Нового времени. Отсюда в познании у Флоренского

естественно вытекает неустранимость личностно-субъективной составляющей из русла "гуманистической" рациональности. Безличный компонент знания у философа сведен к минимуму, что является отличительной особенностью неклассической науки, особого типа рациональности, связанного с идеей зависимости субъекта со средствами, оказывающими влияние на изучаемый объект.

В отличие от лейбницевских монад, которые обладают взаимонепроницаемостью и претерпевают непрерывные внутренние изменения, монады Н.В. Бугаева имеют взаимоотношения, соединяясь арифметически. П.А. Флоренский же углубляет тему космической эволюции в созданной Бугаевым монадологии. Если Н.В. Бугаев препятствие для процесса космизации видел в первом законе термодинамики – в законе сохранения энергии, то Флоренский – в законе возрастания энтропии, всеобщего уравнивания (Хаоса). Хаосу, как считал П. Флоренский, противопоставит закон энтропии (Логос). Энтропию Флоренский мыслил так: "Всеобщая мировая закономерность есть функциональная зависимость, понимаемая как прерывность в отношении связей и дискретность в отношении самой реальности" (Флоренский, 1927). Это согласуется с мнением ученого-физика и богослова К.В. Копейкина, который считает, что по своему смыслу энтропия является той мерой информации, которой нет в рационалистически отстраненном сознании: "Образно говоря, введение энтропии обусловлено наличием некоего "зазора", который неизбежно остается между нашим "объективирующим", отстраненным знанием мира и реальным глубинным устройством бытия" (Копейкин, 2010). Таким образом, знание, которым владеет человек, может иметь и внерациональную природу, однако рациональные гносеологические категории позволяют прояснить условия знания, его цели и границы.

Рассмотрим, как на примере изучения пространства и времени с помощью рационального способа познания П.А. Флоренский расширяет границы этого метода. Для Флоренского пространство неоднородно, он не приемлет пространства качественной однородности и "неиндивидуальности"; по мнению философа, каждое пространство имеет свои характеристики и измерения. П.А. Флоренский считает, что классическая геометрия Евклида, которая является наглядным инструментом рационального познания пространства, есть лишь частный случай, одна из разновидностей геометрий. Познавательная сложность и многоплановость проблемы пространства, с точки зрения рационального представления о нем, решается Флоренским в русле онтологии. Это отчетливо видно, в частности, в его работе "Мнимости геометрии". На математическом основании П.А. Флоренский пытается объяснить, насколько сравнима конструкция мира бытия и мира идей, и как возможно встречное движение этих миров. Он допускает, что такое движение есть, и, таким образом, будущее предсказуемо и настоящее реализовано будущим. Флоренский, рассматривая коэффициент Лоренца, математически вывел, что размерность тела равна нулю, если оно движется со скоростью света, и имеет отрицательную величину, если тело движется со скоростью, превышающей скорость света. Таким образом, по Флоренскому, тело становится идеей – мир идей реален и математически доказуем, и существует реальная связь между миром идеальным и реальным.

В русле дальнейшей разработки пространственно-временного континуума П.А. Флоренский ставит перед собой задачу расширить область двумерных геометрических образов так, чтобы в систему пространственных представлений о реальности вошли и мнимые (идеальные) образы, не умаляя при этом значимость ни тех, ни других. Флоренский (1991) убежден, что область мнимостей реальна и доступна познанию. По Флоренскому, все пространство можно представить себе двойным, составленным из действительных и из мнимых гауссовых координатных поверхностей, но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя. Флоренский считает, что пока мы представляем себе возможность этого перехода в скоростях выше скорости света, у нас нет доказательств невозможности каких-то других средств. Эта парадоксальная мысль Флоренского доказана новейшими достижениями квантовой теории, показывающей, что существует передача информации от частицы к частице со скоростью, которая во много раз выше скорости света. Относительные квантово-механические законы приходят на смену классическим в процессе современных научных исследований, когда происходит все более мелкое дробление мира на составляющие – в микромире, т.к. именно в нем обнаруживает себя идеальное, метафизическое бытие в виде спонтанной активности микрообъектов. Это бытие, о котором рассуждал П.А. Флоренский и которое выносится за скобки в классической науке.

Известно, что вся получаемая нами от внешнего мира информация: осязательная, обонятельная, слуховая, вкусовая и зрительная – имеет электромагнитную природу. В этой связи К.В. Копейкин отмечает, что свет в силу своей электромагнитной природы "есть как бы по-сред-ник между светом человеческого разума – lux'ом – и внутренним светом твари, он полагает границу между видимым миром и миром невидимым, – и отсюда становится вполне естественным постулат теории относительности о скорости света как о максимально возможной скорости переноса физического взаимодействия: за этими пределами находится уже мир метафизический" (Копейкин, 2010). Здесь подразумевается возможность апелляции к личностному опыту человека, к его внутренним переживаниям, т.е. имеет место важный

момент, связанный с философским осознанием познавательного процесса: человеческое знание не исчерпывается полностью только рациональными категориями.

Позиция П.А. Флоренского также не сводится к только рациональной (геометрической и физической) интерпретации пространства, его познающая мысль шире и глубже. Флоренский пытается наполнить формальную модель действительности живым содержанием. "По вопросу о пространстве мира, – пишет он в работе "Обратная перспектива", – должно сказать, что в самом понятии пространства различаются три, далеко не тождественные между собою, слоя. Это именно: пространство абстрактное или геометрическое, пространство физическое и пространство физиологическое" (Флоренский, 2008а).

Ноуменальное пространство П.А. Флоренского построено по законам неевклидовой геометрии и теории относительности Эйнштейна, т.е. с кривизной пространства и времени, что являлось новым не только для гуманитарных, но и для естественных наук, и представляется безусловной заслугой Флоренского. Ноуменальный мир Флоренского есть мир "обращенный", "вывернутый" по отношению к реальному миру, а время "мира невидимого" происходит наизуот, и причина появляется не прежде своего следствия" (Флоренский, 2005). Эта кривизна пространства-времени, а именно ее сферичность, отвечает одновременно и эйнштейновской теории, и древней геоцентрической модели Вселенной. Современные исследователи отмечают, что "конечность, сферичность и статичность были тремя китами эйнштейновской космологической картины мира" (Павленко, 1996). П.А. Флоренский в рамках такого системного подхода к явлениям бытия, в познании многопланового живого пространства дает пример перспективного и плодотворного целостного исследования. Он находит синтез, выступающий онтологическим обоснованием для современного знания, единство сущности и энергии.

Например, в работе "Имелавие как философская предпосылка" П.А. Флоренский утверждает, что все подлинно существующее имеет в себе жизнь и проявляет эту жизнь, то есть энергию сущности: "У бытия есть сторона внутренняя, которою оно обращено к самому себе в своей неслиянности со всем, что не оно, а есть сторона внешняя, направленная к другому бытию. Две стороны, но они не присоединены одна к другой, а суть в единстве первоначальном; они – одно и то же бытие, хотя по различным направлениям. Одна сторона служит самоутверждению бытия, другая – его обнаружению, явлению, раскрытию... По терминологии древней, эти две стороны бытия называются сущностью, или существом, и деятельностью, или энергией" (Флоренский, 2008б).

Для иллюстрации этой теории П.А. Флоренского можно констатировать, что в современной науке изучаемые объекты рассматриваются как процессы, примерами их являются фракталы, динамический хаос и т.д. Подчеркивая арифмологические, дробные законы реального мира, физик Ф.А. Цицин, известный своими работами по критическому анализу основ термодинамики, подчеркивает: "Природа очень любит фрактальные формы" (Цицин, 1996), приводя в качестве примера модель динамического хаоса как фрагмент современной научной картины мира, турбулентность (в воде, атмосфере и Космосе), флуктуации температуры и плотности, солнечные пятна и скрытую массу галактик, фрагментацию протогалактической среды и т.д.

Таким образом, новейшие научные концепции находятся в русле учения П.А. Флоренского о "пневматосфере", заполненной живой материей. Флоренский высказывается о существовании того, что "можно было бы назвать пневматосферой, то есть о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, в круговорот духа" (Флоренский, 1983). Одухотворенная Вселенная во всех ее сферах от микромира до макромира, с позиции "гуманистической" рациональности, строится на энергийных символах, которые философ представлял сущностями, энергия которых "срачивается" с энергией идеальных сущностей и таким образом ее передает, следовательно, материальное энергетически сливается с духовным. Здесь Флоренский опередил свое время, и то, что на современном языке называется процессом передачи информации, он называл процессом передачи смыслов в "пневматосфере" – "гуманистическом" пространстве, одухотворенном человеком.

3. Заключение

Флоренский, таким образом, приходит к новому типу рациональности, называет его "гуманистическим", и главным методом становится метод понимания смыслов бытия посредством энергийных символов. Эта идея близка к понимающей эпистемологии в духе Дильтея, Гадамера и Кассирера, которая включает субъективный фактор в познание и отличает классическую науку от неклассической. Флоренский в своих рассуждениях идет дальше современников и утверждает, что исследование общих закономерностей жизни является ключом к пониманию логических категорий, законов, принципов построения действительности и механизма их обратного воздействия на практику. Через диалектику, которую Флоренский понимает как рациональный метод познания единичного, особенного и всеобщего, части и целого, он пытается выразить всеобщую связь бытия, его универсальность. Очевидно, что логические категории в познании бытия, а также ценностные категории,

т.е. гуманитарная и понятийная разновидности рационального познания в творчестве Флоренского становятся взаимодополнительными способами познавательной деятельности человека. Их органичное взаимодействие обеспечивает целостное видение человеком самого себя и мира. П.А. Флоренский осознает бессилие логической мысли перед индивидуальным бытием (Флоренский, 2006) и то, что индивидуальность непознаваема до конца, т.к. иррациональна по отношению к ее рациональным конструктам – это утверждение приводит ученого к онтологическому символизму. Символ Флоренского воплощает в себе идею аксиологической ценности и осмысленности материального мира, созданного Богом, и совмещает в себе природное и духовное.

Подводя итоги исследованию, считаем необходимым подчеркнуть, что П.А. Флоренский, исследуя проблему оснований научного знания, приходит к выводу, что сложные и многоплановые проблемы познания бытия можно решить лишь в русле онтологического символизма, на основе объединения гносеологии и онтологии, позволяющего понять: каким образом из знания, обладающего относительной общностью, может следовать знание, обладающее безусловной всеобщностью. Философско-математический синтез П.А. Флоренского, включающий в себя аритмологию, монадологию и символизм, объединил математику, религиозную философию и науку. Такой синтез Флоренского С.М. Половинкин называет "истинным рационализмом" (Половинкин, 1996). Достоинством философии Флоренского является признание зависимости результатов познания – знания о целостном мире – от познающего субъекта как целостного явления, включая его ценностную, духовную составляющую. В творчестве русского философа родилась новая научная рациональность – гуманитарная, позволяющая расширить пределы не только философского, но и научного познания, указывая на путь возможного синтеза религиозной философии и научного рационального поиска, утраченного в процессе экспансии механистического мировоззрения.

Литература

- Бугаев Н.В.** Основные начала эволюционной монадологии. *Вопросы философии и психологии*, кн. 17, с.38, 1893.
- Кантор Г.** Труды по теории множеств. *М., Наука*, с.101, 1985.
- Копейкин К.В.** Апологетика. Краткий конспект лекций. 2010. URL: www.mpda.ru/data/169/628/1234/Апологетика.pdf.
- Лейбниц Г.** Монадология. Сочинения. *М., Мысль*, т.1, с.413, 1982.
- Павленко А.Н.** Современная космология: проблемы обоснования. *В сб.: Астрономия и современная картина мира. Научное издание. М., ЦОП Ин-та философии РАН*, с.104, 1996.
- Половинкин С.М.** П.А. Флоренский: Логос против Хаоса. *В кн.: Pro et contra: Антология. СПб.*, с.637, 1996.
- Флоренский П.А.** Детям моим. Воспоминания прошлых дней. *М., АСТ*, с.212, 2004.
- Флоренский П.А.** Иконостас. *М., АСТ*, с.16, 2005.
- Флоренский П.А.** Имеславие как философская предпосылка. *В кн.: Имена. М., Эксмо*, с.249, 2008а.
- Флоренский П.А.** Макрокосм и микрокосм. *В сб.: Богословские труды. М., АСТ, № 24*, с.233, 1983.
- Флоренский П.А.** Мнимости в геометрии. *М., Лазурь*, с.11-12, 1991.
- Флоренский П.А.** Обратная перспектива. *В кн.: Имена. М., Эксмо*, с.43, 2008б.
- Флоренский П.А.** Флоренский Павел Александрович (Автобиографическая статья). *В кн.: Энциклопедический словарь Русского библиографического института бр. Гранат. М.*, т.44, с.143-144, 1927.
- Флоренский П.А.** Столп и утверждение истины. *М., АСТ*, с.325, 401, 2006.
- Цицин Ф.А.** Астрономическая картина мира: новые аспекты. *В кн.: Астрономия и современная картина мира. Научное издание. М., ЦОП Ин-та философии РАН*, с.42, 1996.